

# Первая любовь — эпизод 18 из 25

Еще один, последний вопрос, заметил Малевский. У королевы есть муж?

Я об этом и не подумала. Нет, зачем муж?

Конечно, подхватил Малевский, зачем муж?

Silence!1 воскликнул Майданов, который по-французски говорил плохо.

Merci, сказала ему Зинаида. Итак, королева слушает эти речи, слушает музыку, но не глядит ни на кого из гостей. Шесть окон раскрыты сверху донизу, от потолка до полу; а за ними темное небо с большими звездами да темный сад с большими деревьями. Королева глядит в сад. Там, около деревьев, фонтан; он белеет во мраке длинный, длинный, как привидение. Королева слышит сквозь говор и музыку тихий плеск воды. Она смотрит и думает: вы все, господа, благородны, умны, богаты, вы окружили меня, вы дорожите каждым моим словом, вы все готовы умереть у моих ног, я владею вами А там, возле фонтана, возле этой плещущей воды, стоит и ждет меня тот, кого я люблю, кто мною владеет. На нем нет ни богатого платья, ни драгоценных камней, никто его не знает, но он ждет меня и уверен, что я приду, и я приду, и нет такой власти, которая бы остановила меня, когда я захочу пойти к нему, и остаться с ним, и потеряться с ним там, в темноте сада, под шорох деревьев, под плеск фонтана...

Зинаида умолкла.

Это выдумка? хитро спросил Малевский.

Зинаида даже не посмотрела на него.

А что бы мы сделали, господа, вдруг заговорил Лушин, если бы мы были в числе гостей и знали про этого счастливец у фонтана?

Постойте, постойте, перебила Зинаида, я сама скажу вам, что бы каждый из вас сделал. Вы, Беловзоров, вызвали бы его на дуэль; вы, Майданов, написали бы на него эпиграмму... Впрочем, нет вы не умеете писать эпиграмм; вы сочинили бы на него длинный ямб, вроде Барбье, и поместили бы ваше произведение в Телеграфе. Вы, Нирмацкий, заняли бы у него... нет, вы бы дали ему займы денег за проценты; вы, доктор... Она остановилась. Вот я про вас не знаю, что бы вы сделали.

По званию лейб-медика, отвечал Лушин, я бы присоветовал королеве не давать балов, когда ей не до гостей...

Может быть, вы были бы правы. А вы, граф...

А я? повторил со своей недоброй улыбкой Малевский...

А вы бы поднесли ему отравленную конфетку.

Лицо Малевского слегка перекосилось и приняло на миг жидовское

выражение, но он тотчас же захохотал.

Что же касается до вас, Вольдемар... продолжала Зинаида, впрочем, довольно; давайте играть в другую игру.

Мсьё Вольдемар, в качестве пажа королевы, держал бы ей шлейф, когда бы она побежала в сад, ядовито заметил Малевский.

Я вспыхнул, но Зинаида проворно положила мне на плечо руку и, приподнявшись, промолвила слегка дрожащим голосом:

Я никогда не давала вашему сиятельству права быть дерзким и потому прошу вас удалиться. Она указала ему на дверь.

Помилуйте, княжна, пробормотал Малевский и весь побледнел.

Княжна права, воскликнул Беловзоров и тоже поднялся.

Я, ей-богу, никак не ожидал, продолжал Малевский, в моих словах, кажется, ничего не было такого... у меня и в мыслях не было оскорбить вас... Простите меня.

Зинаида окинула его холодным взглядом и холодно усмехнулась.

Пожалуй, останьтесь, промолвила она с небрежным движением руки. Мы с мсьё Вольдемаром напрасно рассердились. Вам весело жалиться.... на здоровье.

Простите меня, еще раз повторил Малевский, а я, вспоминая движение Зинаиды, подумал опять, что настоящая королева не могла бы с большим достоинством указать дерзновенному на дверь.

Игра в фанты продолжалась недолго после этой небольшой сцены; всем немного стало неловко, не столько от самой этой сцены, сколько от другого, не совсем определенного, но тяжелого чувства. Никто о нем не говорил, но всякий признавал его и в себе и в своем соседе. Майданов прочел нам свои стихи и Малевский с преувеличенным жаром расхвалил их. Как ему теперь хочется показаться добрым, шепнул мне Лушин. Мы скоро разошлись. На Зинаиду внезапно напало раздумье; княгиня выслала сказать, что у ней голова болит; Нирмацкий стал жаловаться на свои ревматизмы...

Я долго не мог заснуть, меня поразил рассказ Зинаиды.

Неужели в нем заключался намек? спрашивал я самого себя, и на кого, на что она намекала? И если точно есть на что намекнуть... как же решиться? Нет, нет, не может быть, шептал я, переворачиваясь с одной горячей щеки на другую... Но я вспоминал выражение лица Зинаиды во время ее рассказа... я вспоминал восклицание, вырвавшееся у Лушина в Нескучном, внезапные перемены в ее обращении со мною и терялся в догадках. Кто он? Эти два слова точно стояли перед моими глазами, начертанные во мраке; точно низкое зловещее облако повисло надо мною и я чувствовал его давление и ждал, что вот-вот оно разразится. Ко многому я привык в последнее время, на многое насмотрелся у Засекиных; их беспорядочность, сальные огарки, сломанные

ножи и вилки, мрачный Вонифатий, обтёрханные горничные, манеры самой княгини вся эта странная жизнь уже не поражала меня более... Но к тому, что мне смутно чудилось теперь в Зинаиде, я привыкнуть не мог... Авантюрьерка, сказала про нее однажды моя мать. Авантюрьерка она, мой идол, мое божество! Это название жгло меня, я старался уйти от него в подушку, я негодовал и в то же время, на что бы я не согласился, чего бы я не дал, чтобы только быть тем счастливецом у фонтана!..

Кровь во мне загорелась и расходилась. Сад... фонтан... подумал я. Пойду-ка я в сад. Я проворно оделся и выскользнул из дому. Ночь была темна, деревья чуть шептали; с неба падал тихий холодок, от огорода тянуло запахом укропа. Я обошел все аллеи; легкий звук моих шагов меня и смущал и бодрил; я останавливался, ждал и слушал, как стучало мое сердце крупно и скоро.